
РАКУРСЫ: ВЫБОРЫ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

И. МАКМЕНАМИН, А. ГВИАЗДА

ТРИ ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ: ГОЛОСА, ДОЛЖНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ПРИ СМЕНЕ ПАРТИЙ В ПОЛЬШЕ¹

Институционализация политических партий стала одним из главных вызовов третьей волны демократизации. Существует консенсус в отношении того, что институционализированные партии важны для нормального функционирования демократии [Building democratic institutions, 1995, p. 27–28; Reilly, 2008, p. 3–4, 7–9]. Политологи выделяют отличительные характеристики институционализированных и неинституционализированных партий, но сталкиваются с серьезными проблемами при объяснении, почему одни партии институционализируются, а другие – нет. Мы используем новый подход с фокусом на базовых транзакциях парламентской партии (обмен депутатской автономии на выгоды коллективного действия). Провал этой транзакции можно зафиксировать как решение депутатов парламента перейти в другую партию. Парламентская партия может институционализироваться тремя путями, которые ассоциируются с тремя видами партий в зависимости от цели: получение голосов (vote-seeking), получения должности (office-seeking) или следование определенному политическому курсу (policy-seeking).

¹ Перевод с английского выполнен с разрешения авторов с дополнениями и изменениями по изд.: *McMenamin I., Gwiazda A. Three roads to institutionalisation: Vote-, office- and policy-seeking explanations of party switching in Poland // European journal of political research. – L., 2011. – Vol. 50, N 6. – P. 838–866.*

Мы рассмотрим Польшу, в которой есть много примеров смены депутатами своей партийной принадлежности, причем мотивы варьируются: голоса, должность, политика. В основе нашего эмпирического исследования лежит анализ смены партии в последних четырех польских парламентах. Мы приходим к заключению, что стремление получить голоса лучше всего объясняет смену партийной принадлежности. Наша модель показывает: чтобы предотвратить массовый отток из партии, она должна сохранить более 40% поддержки, полученной на предшествующих выборах.

В следующем разделе статьи описывается теория, объясняющая, почему мы отказываемся от привычного подхода к рассмотрению партийной институционализации как «синдрома». Далее мы объясняем, почему польский случай подходит для целей исследования, и предлагаем методы анализа трех путей партийной институционализации. Затем мы обсуждаем перспективы институционализации польских партий, ориентированных на получение голосов. В заключение делаем выводы и предложения для дальнейших сравнительных исследований.

Теория

Хантингтон [Huntington, 1968, p. 12] определяет институционализацию как «процесс, посредством которого организации получают ценность и устойчивость». Рэндалл применяет эту концепцию к политическим партиям, описывая «партийную институционализацию» как процесс, включающий организационную упорядоченность, автономию принятия решений, ценностное влияние, определенный публичный имидж и относительно стабильную поддержку [Randall, 2006; Randall, Svåsand, 2002]. Это определение имеет много общего с пониманием институционализации партийной системы [Bértoa, 2009; Gwiazda, 2009, p. 352–355; Mainwaring, 1999, p. 26–27; Building democratic institutions, 1995; Sikk, 2005; Krupavičius, 2004; Markowski, 2001]. Эти многомерные концепции были предметом огромного числа исследований. Они, без сомнения, указывают на значимые различия между политическими системами. Однако многомерные определения описывают признаки, а не теоретические модели. Как зависимые переменные они могут

отделить институционализированные системы от неинституционализированных. Они также идентифицируют ошибочные и верные сферы. Проблема признаков состоит в том, что отношения между переменными не достаточно объяснены. Признаки не помогут в прогнозировании или объяснении различий институционализации. Литература не предоставляет конкретных предложений о том, как партии попадают в правильные и неправильные круги и как покидают их. Одной из причин этой слабости может быть претенциозная обобщенность литературы, которая имеет тенденцию к игнорированию различий между типами политических партий за счет рассмотрения их всех как абстрактного стандарта институционализации.

Наш подход позволяет изучить партийную институционализацию в терминах ясных причинно-следственных механизмов, а не признаков или круговых процессов. Мы фокусируемся на институте парламентской партии и измеряем институционализацию через смену партий или «любое зафиксированное изменение партийной аффилиации части политиков, занимающих пост» [Mershon, Shvetsova, 2008, p. 104]. Очевидно, что партия, которая не может сохранить своих депутатов, не имеет «ценности и стабильности». Изменение партийной принадлежности – крайне редкое явление в консолидированных демократиях [Heller, Mershon, 2009 a, p. 4], однако оно часто наблюдается во многих новых западных демократиях, таких как Бразилия, Индия и Филиппины [Janda, 2009, p. 3–4; Reilly, 2008, p. 15–16].

Греиф и Лаитин [Greif, Laitin, 2004] используют теорию игр в представлении институтов как транзакций. Все парламентские партии основываются на одной и той же базовой транзакции: депутаты продают свою автономию за выгоды коллективного действия. Тем не менее эти институты различаются по своим базовым целям. Стром [Strøm, 1990] разделяет партии, стремящиеся заручиться поддержкой избирателей, занять должности или провести политику. Эти типы имеют разные способы создания института парламентской партии. Перебежчики из партии – максимизатора поддержки не могут надеяться на переизбрание по партийному билету. Перебежчики из партии, которая пытается получить главные посты, не будут назначены на ведущие должности в исполнительной или законодательной власти. Перебежчики из партии, пытающейся осуществить определенную политику, не могут повлиять

на ее позицию. Эти механизмы принуждения зависят от параметров, внешних относительно прямого контроля [Greif, Laitin, 2004, p. 634]. Уровень поддержки среди избирателей влияет на важность партийных назначений для избрания. Преимущества занятия поста не доступны для всех партий и обычно зависят от законодательной силы партии и ее места в политическом пространстве, как и от общей структуры публичной политики. При прочих равных партии, стремящиеся к претворению в жизнь определенных мер, соответствующих имеющейся политической структуре, более успешны, чем те, которые стремятся к радикальным переменам. Хотя эти параметры приведены в определенный момент, в течение долгого времени стороны могут влиять на них. Таким образом, это квази-параметры [ibid., p. 639].

Партии сражаются за голоса. Они маневрируют для контроля над правительственными и законодательными позициями. Они могут также изменить и меняют политическое пространство и структуру публичной политики. В этом смысле институт парламентской партии имеет три потенциальных механизма самоусиления. Это означает, что базовая институциональная транзакция совместима с более широким диапазоном значений параметров. Другими словами, он приобретает значимость для депутатов за пределами непосредственного обмена автономии на выгоды коллективного действия.

Работающие на электоральную поддержку партии меньше сталкиваются с дезертирством. Партии, ориентированные на занятие должностей и в прошлом передававшие выгоды от получения постов своим депутатам, имеют более низкий уровень смены партийной идентификации. Достигшие успеха в продвижении определенной политики в прошлом – сохраняют верность своих депутатов.

Таким образом мы определяем три пути парламентской партии к институционализации. Они не обязательно исключают друг друга. Стром [Strøm, 1990, p. 570–573] рассматривает их как соглашения и располагает партии в трехмерном пространстве.

Литературы об изменении партийной принадлежности мало, но ее количество растет. При изучении трех типов политических партий встречается широкий подход [Heller, Mershon, 2009 b, p. 33; Heller, Mershon, 2009 c, p. 289; Kato, Yamamoto, 2009, p. 260]. Большинство авторов изучают поведение, ориентированное на получение максимума голосов. Деспозато [Desposato, 2006, p. 71] утвержда-

дает, что бразильские перебежчики мотивированы краткосрочными электоральными выгодами, в то время как Мершон [Mershon, 2009, p. 394] фиксирует более высокий уровень смены партий в преддверии главных выборов или в период второстепенных выборов, которые дают важную информацию о шансах депутатов переизбраться. Зилински [Zielinski, 2005] показывает, как польские депутаты меняли партии, чтобы избежать электоральной ответственности за плохую работу своего правительства. Работа Рида и Шейнера [Reed, Scheiner, 2003, p. 473] о Японии также выделяет «электоральные мотивы». Это характерно и для партий, ориентирующихся на занятие постов. Мершон [Mershon, 2009, p. 394] определяет уровень выгоды, занятие правительственных и парламентских должностей. Ряд исследователей рассматривают политические мотивы для смены партии. Мершону [Mershon, 2009, p. 34] удается выделить контроль над политикой, а Хеллер и Мершон [Heller, Mershon, 2005, p. 543] утверждают, что некоторые примеры смены партии в Италии стали следствием отсутствия информации о политических целях партии. Модель Деспозато [Desposato, 2006, p. 71] предполагает, что партии стремятся минимизировать идеологическую гетерогенность, а Рид и Шейнер [Reed, Scheiner, 2003, p. 473] объясняют пример Либерально-демократической партии Японии через изменения политических предпочтений ее депутатов.

Польский случай

Мы изучаем изменения партийной принадлежности депутатов в нижней и наиболее влиятельной палате польского парламента – Сейме [Sanford, 2002, p. 103–104]. Польский случай является подходящим для изучения путей партийной институционализации благодаря большому числу переходов и существенной вариации независимых переменных. В Польше наблюдались серьезные изменения в поддержке партий на каждом сроке, не было больших коалиций, так что всегда имелся базовый контраст между правительством и оппозицией. Более того, во всех парламентах за исключением 1993–1997 гг. партийный состав правительства менялся в течение цикла. Вариации в размере, позиции в идеологическом пространстве и организации партий [Szczerbiak, 2001;

Strøm, 1990, p. 593] должны отразиться на уровне претензий на посты и претворения в жизнь политического курса.

Другое преимущество польского случая состоит в том, что изменения общей институциональной конфигурации не имели влияния на результат. Мы не доказываем, что посткоммунистическая Польша является моделью конституционной стабильности. Мы предполагаем, что ключевые правила, прямо влияющие на смену партий, существенно не менялись.

Наш анализ начинается с 1993 г. Реформы в 2001 г. увеличили пропорциональность системы, но не привели к изменениям уровня фрагментации [Gwiazda, 2009, p. 368]. Исполнительная власть была полупрезидентской с доминированием премьер-министра. «Малая конституция» 1992 г. произвела серьезные изменения в отношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти. Конституция 1997 г. внесла изменения в президентские полномочия [McMenamin, 2008, p. 124], но это не повлияло на мотивацию сменить партию. Такие стимулы будут действовать через членство в правящей партии, которое мы измеряем.

Польские депутаты могут менять партии по своему желанию. Лидер популистской Партии самообороны пытался предотвратить изменение партийной принадлежности, требуя от всех кандидатов подписать соглашение, по которому они обязаны были выплатить большую сумму денег при смене партии. Однако это было незаконно и неконституционно [Półmilionowe weksle-straszaki Leppera nieważne, 2005]. Отношение поляков к партийности негативно, политическое участие является низким даже в сравнении с другими восточноевропейскими странами и другими польскими институтами [Szczerbiak, 2001, p. 195–199]. Остается неясным, в какой степени публичное мнение одобряет смену партии, однако есть подтверждения того, что перебежчики могут уклониться от ответственности за неудачи правящей партии [Zielinskietal, 2005].

Дизайн исследования

Исследования переходов между партиями различаются по уровню наблюдений. Деспозато [Desposato, 2006, p. 72] исследует индивидуальные решения депутатов сменить партию на большом

количестве краткосрочных наблюдений. Зилински [Zielinski, 2005, p. 380] изучает отдельных политиков в период между выборами, Геллер и Мершон [Heller, Mershon, 2005, p. 544–548] рассматривают депутатов в начале и в конце электорального срока. Рид и Шейнер [Reed, Scheiner, 2003] анализируют небольшое количество примеров на индивидуальном уровне. Мершон [Mershon, 2009, p. 401, 404] и Мершон и Швецова [Mershon, Shvetsova, 2008, p. 110] сообщают о совокупном уровне перебежек в четко определенные промежутки времени. Шабади и соавторы [Shabad, 2004, p. 153–154] используют совокупные данные об изменениях лишь во время выборов. Эти различия суммированы в табл. 1. Мы анализируем польский случай очень подробно, как это делали Геллер и Мершон. Мы изучаем четыре срока (с некоторыми данными по пятому) в сравнении с двумя у Деспозато и одним у Геллера и Мерсона. Наши переменные должны протестировать три пути к партийной институционализации, большая их часть похожа на те, которые использовались в описанной выше литературе.

Таблица 1

Классификация количественных исследований смены партий

		Наблюдения (время – период)	
		много	мало
Наблюдения (депутаты)	индивидуальные	Desposato (2006), Heller&Mershon (2005)	Zielinski et al. (2005), Reed & Scheiner (2003)
	агрегированные	Mershon&Shvetsova (2008), Mershon (2009)	Shabad&Slomezynski (2004)

Зависимая переменная

Наши данные включают партийную принадлежность всех депутатов за четыре срока с 1993 г. по официальным документам Сейма. В данных отмечен конкретный день смены партии. Стабильное членство разделено на 15-дневные периоды, чтобы облегчить включение данных опроса общественного мнения. Большое количество наблюдений является результатом умножения числа 15-дневных периодов на количество депутатов. Некоторые депутаты менялись в каждом сроке, в частности, после выборов в Европарламент в 2004 г. Парламент 1991–1993 гг. закончил работу

раньше срока из-за роспуска президентом после вотума недоверия правительству. В 2007 г. Сейм закончил работу самороспуском.

В то время как смена партии является дискретным феноменом, она также и гетерогенная категория. В парламентском режиме направление перебежек между правящей и оппозиционной партиями политически важно [Mershon, 2009]. В Италии смена партии чаще всего происходит в оппозиционной или правящей партии, однако в случае Польши мы наблюдаем иную картину: переходы происходят в оппозиционных партиях, и политически взрывоопасная категория переходов из правящей партии в оппозиционную стоит на 2-м месте (табл. 2). Направление, не описанное в литературе, но важное для изучения институционализации, – переход из старых партий в новые. В данной работе мы анализируем две дополнительные траектории изменений: из оппозиции в правящую партию и из старых партий в новые.

Таблица 2

Направление польских и итальянских партийных перемещений

	Польша			Италия		
	1991– 1993 гг.	1993– 1997 гг.	1997– 2001 гг.	2001– 2005 гг.	2005– 2007 гг.	1996– 2001 гг.
Из правительства в оппозицию	1,160	0,040	0,310	0,250	0,260	0,000
Из оппозиции в правительство	0,190	0,004	0,005	0,160	0,004	0,026
Внутри оппозиции	1,060	0,750	0,330	1,740	0,530	0,302
Внутри правящей партии	0,000	0,004	0,000	0,027	0,023	0,407

Примечание: В ячейках указано количество переходов за месяц на 100 депутатов. Данные по Италии взяты из работы Мершона [Mershon, 2009, p. 404].

Независимые переменные

Опрос общественного мнения (поддержка политической партии). Результаты опросов взяты из данных исследований общественного мнения, большинство из которых проводятся ежемесячно либо еще чаще. Опрос не измеряет поддержку для большого

количества микропартий и независимых депутатов. Подобные недостающие значения кодировались как 0, что отражает минимальные шансы успеха депутатов, соперничающих на выборах за незначительное количество мест. Мы вновь проанализируем данные по четырем срокам, но исключим значение 0, а также используем наши модели для интервалов в 15 или 30 дней.

Рисунки 1–4 демонстрируют предпочтения в голосовании за наиболее крупные партии в каждом сроке. В 1993–1997, 1997–2001 и 2001–2005 гг. наблюдались массовые колебания в общественной поддержке партий в течение парламентского срока. В 1993–1997 гг. Союз демократических левых сил и центристская Демократическая Уния / Уния Свободы оказались в сложном положении, но их депутаты никогда не сталкивались с проблемами переизбрания. Напротив, Польская крестьянская партия закончила срок с гораздо меньшим уровнем поддержки, чем он был в начале. Более того, «правые» Конфедерация независимой Польши и непартийный Блок в поддержку реформ потеряли большую часть своего электората в середине срока. Период 1997–2001 гг. ознаменовался серьезным снижением поддержки победителя выборов движения «Солидарность» и Унии Свободы; в 2001–2005 гг. наблюдается та же тенденция, Союз демократических левых сил столкнулся с падением поддержки. Правая «Право и справедливость» и правоцентристы из Гражданской платформы выиграли от увеличения поддержки в три раза. В парламенте 2005–2007 гг. поддержка главных партий не менялась, но Партия самообороны и Лига польских семей оказались не в состоянии преодолеть 5%-ный порог для переизбрания на следующий срок.

Наша следующая переменная – «список». Политики, стремящиеся заручиться поддержкой избирателей и рассчитывающие на высокое место в партийном списке, на следующих выборах реже меняют партию. «Список» – это фиктивная переменная, которая проводит раздел между верхними и нижними местами в партийном списке. В парламенте 2001–2005 гг. 41% депутатов были первыми в партийных списках. На выборах 2001 г. в избирательном округе № 1 первые в партийном списке кандидаты (всего было девять списков) избирались с вероятностью 0,66, вторые – 0,03. Мы выбрали парламент 2001–2005 гг., потому что многие кандидаты, занимавшие 1-е место, покинули свои посты из-за общеевропей-

ских выборов 2004 г., за счет чего кандидаты с более низкими позициями попали в парламент, таким образом, мы увеличили вариацию по позиции в списке.

Следующие переменные связаны со стремлением занять должности. Переменная «правительство» показывает членство правящей партии. Ожидается, что депутаты, которые стремятся получить посты, будут реже менять партию, когда их партия правящая. Переменная «члены партии» показывает членство парламентских партий в первый день парламентского срока либо в день, когда партия появилась в официальных списках. Чем больше депутатов от партии, тем меньше вероятность депутатов-карьеристов сменить партию.

Другим показателем занятия постов могло бы стать членство в парламентских комитетах. В Польше фиксируется членство на момент начала срока работы парламента, в то время как изменения могут быть довольно частыми, в результате возможны ошибки.

Мы используем несколько показателей следования политическому курсу. Переменная «старая партия» показывает устойчивую позицию. В новых партиях политические позиции будут менее устойчивыми, и политики, следующие определенному курсу, с большей вероятностью могут сменить партию. В 2005 г. ни одной новой партии не удалось преодолеть барьер, но в ходе работы парламента были сформированы новые партии. Переменная «опытные депутаты» показывает, что депутаты ранее уже избирались в Сейм. Они с меньшей вероятностью присоединятся к партии, идеология которой несовместима с их взглядами, и реже меняют партии. Переменная «правые» – фиктивная, отделяющая правые партии от всех остальных (в том числе и независимых). Идеологический словарь польской политики необычен. Идеологические различия в гораздо большей степени определяются социокультурными, а не социально-экономическими взглядами [Markowski, 2006, p. 817–818; Szawiel, 1999]. Польские правые разделяют националистические, религиозные и анти- (пост-) коммунистические идеи [Szczerbak, 2002]. Это не обязательно связано с рыночной экономикой, и наиболее известный польский профсоюз «Солидарность» является правым. Левых больше интересуют социокультурные, а не социально-экономические проблемы, однако их главный представитель (Союз демократических левых сил) постоянно настаивал на приверженности типичной европейской социал-демократической идеологии.

Центристские партии изначально антикоммунистические и имеют склонность к экономическому либерализму. Переменная «правые» может быть также проинтерпретирована как показатель идеологической и политической неоднородности. Идеология правых не дает своим последователям полезных сигналов по отношению к экономической и социальной политике Польши в течение четырех изучаемых здесь сроков. Более того, вопросы, определяющие «правых», наиболее часто создают трудности для компромисса и постоянно приводят к конфликтам с персонифицированными партиями [Post-communist party systems, 1999, p. 374]. Депутаты, следующие определенному политическому курсу, с большей вероятностью перейдут из такой партии в более последовательную левую или центристскую.

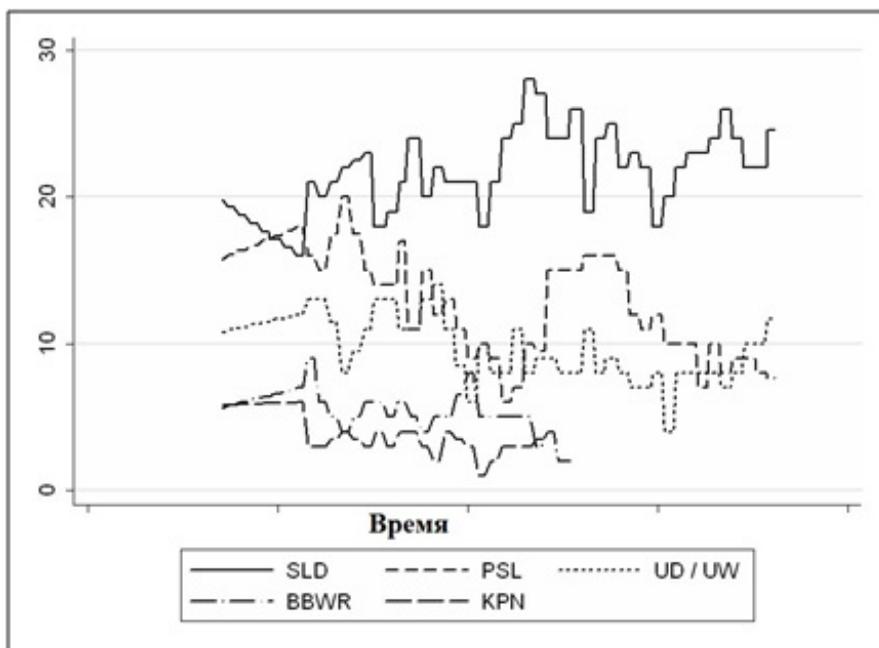


Рисунок 1
Предпочтения в голосовании, 1993–1997

Примечание: SLD = Альянс левых демократов; PSL = Польская крестьянская партия; UD/UW = Демократический союз / Союз свободы; BBWR = Непартийный блок в поддержку реформ; KPN = Конфедерация независимой Польши.

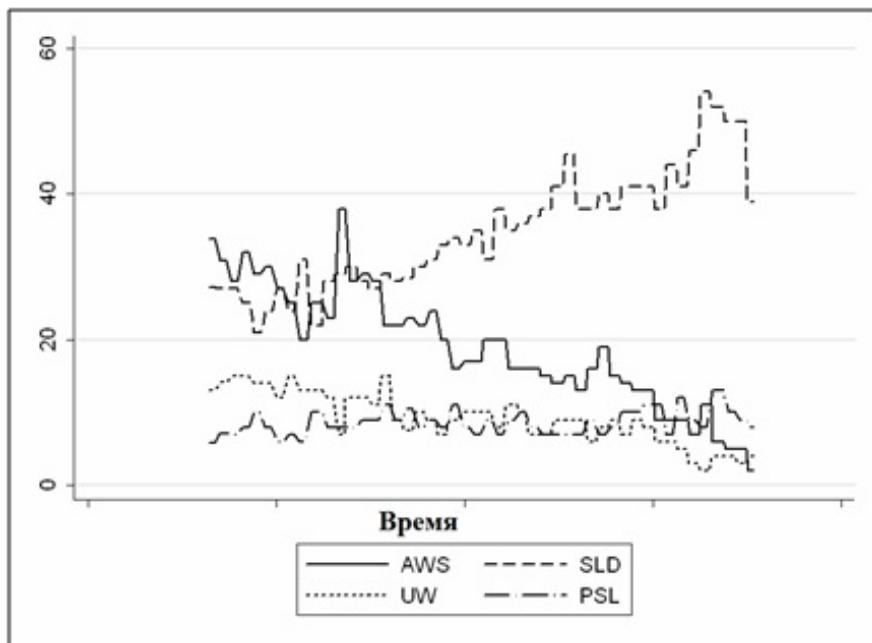


Рисунок 2
Предпочтения в голосовании, 1997–2001

Примечание: AWS = Предвыборное движение солидарности; SLD = Альянс левых демократов; PSL = Польская крестьянская партия; UW = Союз свободы.

Для парламентов 1997–2001 и 2001–2005 гг. мы можем использовать специальную переменную, чтобы зафиксировать мотивы депутатов, следующих определенной политике. Гетерогенность – среднее стандартное отклонение ответов экспертов на восемь вопросов о политической позиции главных партий – участниц выборов 2001 г. [Benoit, Laver, 2006, p. 123–152; Derauw, Martin, 2009]. Чем выше оценка, тем вероятнее переход депутата в другую партию. Для 1997–2001 гг. отсутствует 6,9% наблюдений, для 2001–2005 гг. – 23,3%.

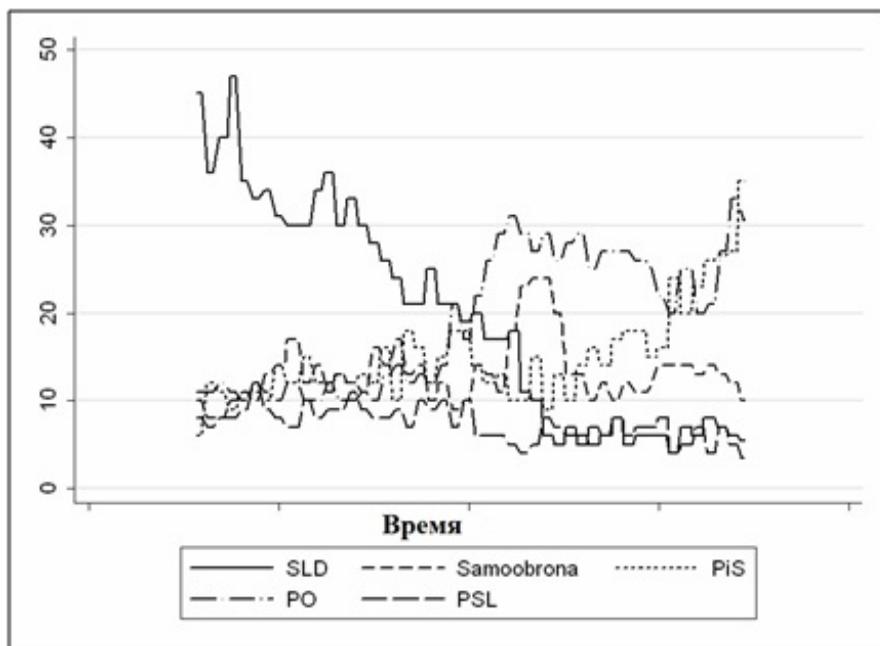


Рисунок 3
Предпочтения в голосовании, 2001–2005

Примечание: SLD = Альянс левых демократов; Samoobrona = Самооборона; PiS = Закон и справедливость; PO = Гражданская платформа; PSL = Польская крестьянская партия.

Подход Мершона к изучению смены партии со стороны депутатов, следующих определенному политическому курсу, используется для определения периодов роста интенсивности принятия решений в законодательном собрании. Сравнение уровня переходов из одной партии в другую в данном периоде с остальными периодами дает нам тест значимости политически мотивированных переходов. Мы применили метод Мершона для всех пяти парламентов с 1991 г. Только в одном из них этот подход не дал результатов. В приложении есть данные по всем пяти парламентам, как и данные из Мершона и Швецовой по Италии и России. В табл. 3 показана связь между показателями и понятиями.

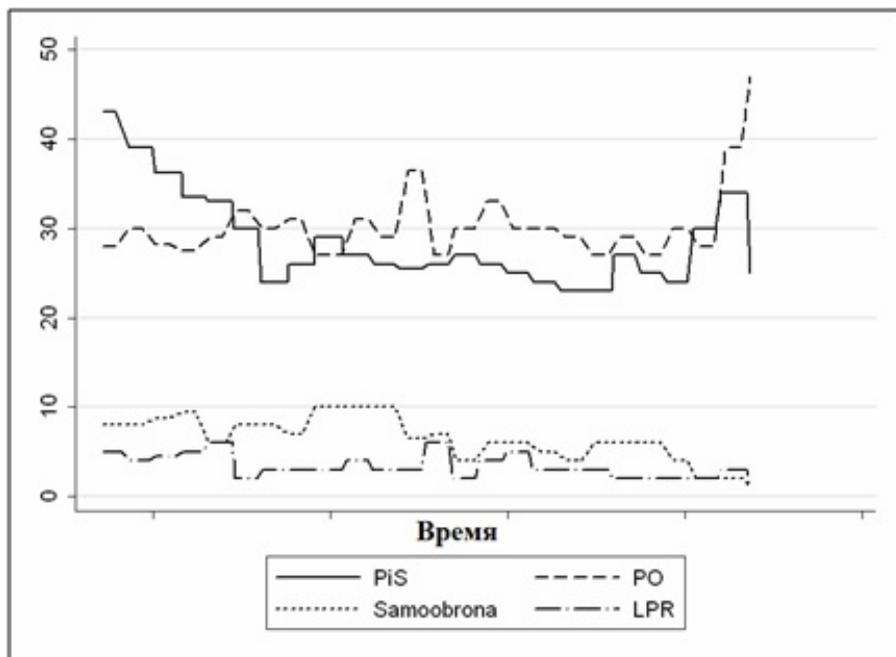


Рисунок 4
Предпочтения в голосовании, 2005–2007

Примечание: PiS = Закон и справедливость; PO = Гражданская платформа; Samoobrona = Самооборона; LPR = Лига польских семей.

Анализ данных

Мы провели параметрический анализ выживаемости для изучения переходов на протяжении четырех парламентских сроков с 1993 г. Мы протестировали распределения Гомперца, Вейбулла, экспоненциальное, лог-нормальное, логарифмическое и обобщенное гамма-распределение для критерия согласия в соответствии с информационным критерием Акаике во всех четырех переходах и четырех парламентах. Модель Вейбулла представляется лучшей, поэтому мы демонстрируем наше исследование в виде регрессионного анализа Вейбулла. Коэффициенты выше 1 увеличивают риск

перехода, в то время как коэффициенты ниже 1 этот риск уменьшают. Наши результаты для всех переходов представлены в таблице 4. Данная таблица содержит только те переменные, которые мы могли измерить для каждого периода после 1993 г.

Переменная, обозначающая число голосов, является единственным последовательным объяснением переходов. Она статистически значима в предсказанном направлении во всех четырех периодах. Показатели переменной наиболее высоки в периоды 2005–2007 и 1997–2001 гг., в то время как два других парламента остаются на схожих уровнях. Переменная правительства снизила количество переходов во время двух правительств левого крыла в 1993–1997 и 2001–2005 гг., но фактически увеличила число партийных переходов в период функционирования правительств правого крыла в 2005–2007 гг. Членство в давно существующей партии сократило переходы в 2001–2005 и 2005–2007 гг. Ни в одном другом периоде опытные депутаты не были менее склонны к уходу. Члены правых партий с гораздо большей вероятностью были готовы сменить партию в 1993–1997 гг., что нельзя сказать о последующих периодах. Действительно, смена партии была наименее вероятна в 2001–2005 и 2005–2007 гг.

Таблица 3

Сводка показателей

1	2	3	4
Институт (транзакция)	Общие институциональные элементы	Различные институциональные элементы	Внутреннее давление
Партия (автономия для преимущества коллективного действия)	Законодательная партия	Цель партии – максимизировать голоса	Перебежчики не могут числиться в партийных списках
		Цель партии – контролировать максимальное количество министерских портфелей, комитетов, др.	Перебежчики не могут быть министрами или председателями комитетов
		Цель партии – повлиять на политический курс	Перебежчики снижают способность партии влиять на политический курс

Таблица 3 (Продолжение)

5	6	7	8
Наблюдаемые последствия	Квазипараметр	Самоусиление	Наблюдаемые последствия
Менее вероятен уход из народных партий. Наиболее вероятен уход с низких позиций в списках	Народная поддержка	Переизбранные партии с большей вероятностью сохраняют народную поддержку по сравнению с новыми	Снижение волатильности
Менее вероятен уход из правящих и крупных партий. Наиболее вероятен уход на стадии распределения постов	Переговорная сила	Правительства получают народную поддержку и меняют политическое пространство в свою пользу	Возвращение правящих партий
Наиболее вероятен уход из новых партий. Наименее вероятен переход опытных депутатов. Наиболее вероятен уход из гетерогенной партии. Наиболее вероятен уход на стадии формирования политического курса	Государственная политика	Влияние предыдущей политики меняет политическое пространство и структуру государственной политики, чтобы способствовать будущему политическому влиянию	Более влиятельными станут партии, имевшие успех при прошлом политическом курсе

Источник: Таблица заимствована из статьи Грейфа и Лейтина [Greif, Latin, 2004, p. 641].

Переменная «членство» (размер парламентской партии) не уменьшает вероятности смены партийной принадлежности.

Контраст между голосованием и другими переменными увеличивается вследствие рассмотрения различных вариантов смены партийной принадлежности. При переходе из правительства в оппозицию переменная «количество голосов» была значима в 1997–2001 и 2001–2005 гг. Количество членов в парламентской партии помогло объяснить дезертирство из правительства в оппозицию в 2005–2007 гг. В этих уравнениях у переменной, обозначающей давно существующую партию, наблюдалась проблема коллинеарности во всех периодах, кроме 2005–2007 гг., и переменная опытных депутатов была исключена для периода 2005–2007 гг. Обе переменные не были значимыми в нужном направлении, и ни одна из них не смогла объяснить данный тип смены сторон, когда с 1993–1997 гг. произошло только девять переходов из правительства в оппозицию. Смена партии внутри оппозиции была более частым явлением. Переменная «количество голосов» объясняет значимую вариацию в этих переходах на протяжении всех четырех периодов, так же как и переменная «правые» для 1993–1997 и

1997–2001 гг. Переменные «старая партия» и «опытные депутаты» были значимы в нужном направлении в 2005–2007 и 2001–2005 гг. соответственно. При переходе из старой партии в новую переменная «число голосов» оказалась снова стабильно значимой. Переменные «правительство» и «опытные депутаты» ослабили данный тип перехода в 1993–1997 гг., в то время как переменная «правые» его усилила на том же промежутке времени. Переменная численности членов снизила переходы из старой партии в новую в 2001–2005 гг. Данные результаты обобщены в таблице 5.

Для парламента периода 2001–2005 гг. мы смогли добавить фиктивную переменную для первого списка позиций. Это предиктор с сильной прогностической функцией для всех переходов без серьезного ослабления влияния переменной «голосование».

Стремление получить голоса влияло на вероятность перехода во всех четырех сроках и разных типах переходов. Мотивация получения должности и преследование определенного политического курса, в лучшем случае, были важны лишь время от времени. Поэтому переменная голосования заслуживает дальнейшего изучения. Первый способ сделать это – сравнить оценки риска для разных уровней переменной.

Таблица 4

Объяснение переходов: Регрессионная модель Вейбулла в рамках пропорциональных рисков

	1993–1997 гг.	1997–2001 гг.	2001–2005 гг.	2005–2007 гг.
Голосование	0,13012 (0,04307)***	0,01185 (0,00617)***	0,1613 (0,02328)***	0,00239 (0,00247)***
Правительство	0,13194 (0,08936)**	1,1784 (0,85693)	0,0707 (0,0236)***	15,053 (6,5781)***
Старая партия	0,68696 (0,18418)	2,0004 (1,1078)	0,2928 (0,0442)***	0,10846 (0,04794)***
Опытные депутаты	0,77065 (0,1324)	1,2677 (0,24645)	0,9772 (0,0956)	1,0307 (0,2129)
Правые	3,3709 (0,5995)***	1,26 (0,34387)	0,1858 (0,0405)***	0,0916 (0,04638)***
Члены партии	1,0017 (0,00578)	0,99835 (0,00515)	1,008 (0,0023)***	1,0287 (0,00725)***
Параметр формы (p)	1,083 (0,12601)	0,6783 (0,10172)	1,408 (0,07602)	0,7481 (0,09727)
Log Likelihood	-149,257	-285,412	-306,838	-160,243
LR Chi ² (6)	550,06***	239,92***	785,44***	399,38***
Наблюдения	45,280	45,627	46,420	23,060

Примечание: * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Таблица 5

Обобщение моделей, объясняющих различные типы переходов в течение четырех парламентских сроков

	Из правительства в оппозицию	Внутри оппозиции	Из старой в новую партию
Голосование	2/4	4/4	4/4
Правительство	NA	NA	1/4
Старая партия	0/1	1/4	NA
Опытные депутаты	0/3	1/4	1/4
Правые	–	2/4	1/4
Члены	1/4	0/4	1/4

Примечание: Знаменателем является количество сроков, для которых включена переменная. В числителе – количество сроков, для которых переменная статистически значима в предсказанном направлении. Знаменатель в колонке «Из правительства в оппозицию» варьируется, так как пришлось отказаться от некоторых переменных из-за проблемы коллинеарности. Переменная «правые» коллинеарна во всех четырех сроках.

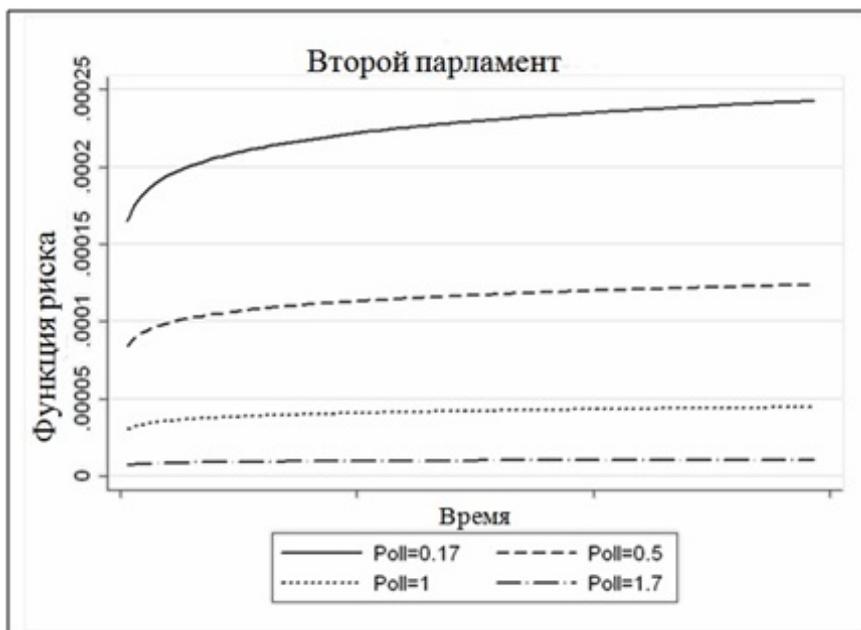


Рисунок 5
Функция рисков переходов, 1993–1997

Примечание: Функция риска на разных уровнях переменной голосования выведена из модели в таблице 4.

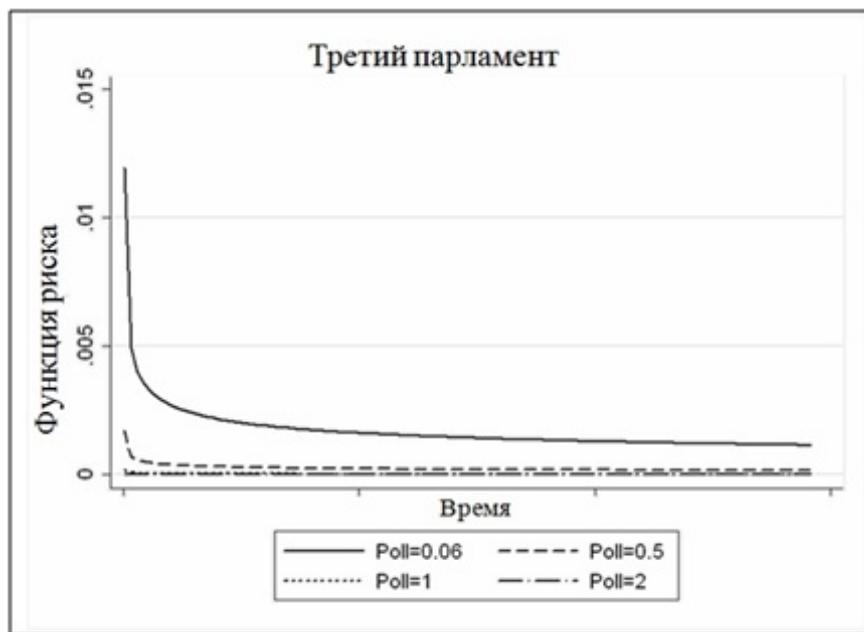


Рисунок 6
Функция рисков переходов, 1997–2001

Примечание: Функция риска на разных уровнях переменной голосования выведена из модели в таблице 4.

На рисунках 5–8 показаны оценки риска переходов при минимальных и максимальных значениях переменной «голосование» для каждого срока, а также для значений 1 (без изменений в поддержке после выборов) и 0,5 (сокращение поддержки после выборов вдвое).

Если процент риска через некоторое время снижается, функция Вейбулла склонна выдавать крайний прогноз для самого раннего периода, как видно для парламентов 1997–2001 и 2005–2007 гг. Действительно, переменная «голосование» важна в парламентах с совершенно разными функциями риска и является еще одним показателем надежности наших выводов относительно важности стремления получить голоса для смены партийной принадлежности.

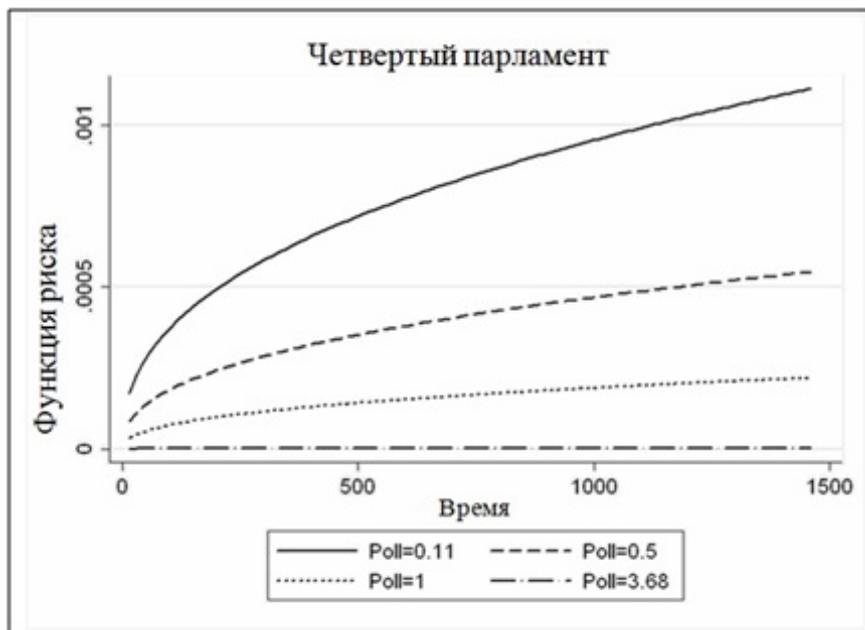


Рисунок 7
Функция рисков переходов, 2001–2005

Примечание: Функция риска на разных уровнях переменной голосования выведена из модели в таблице 4.

В парламенте 1993–1997 гг. оценка рисков для массовых партий с течением времени практически не изменялась. Для менее популярных партий с более высокой вероятностью смены партийной принадлежности время от времени было незначительное увеличение риска. Оценка рисков партий, которые потеряли половину поддержки населения, вдвое выше, чем у партий, удержавших поддержку на всеобщих выборах. Существует еще больший контраст между партиями, чья поддержка сократилась вдвое, и оценкой рисков для минимального значения переменной «голосование» (0,17). Парламент 1997–2001 гг. демонстрирует другую связь между «голосованием» и «сменой партии». Риск смены партии значительно выше и имеет другую траекторию – быстро падает в начале срока и медленно снижается в дальнейшем.

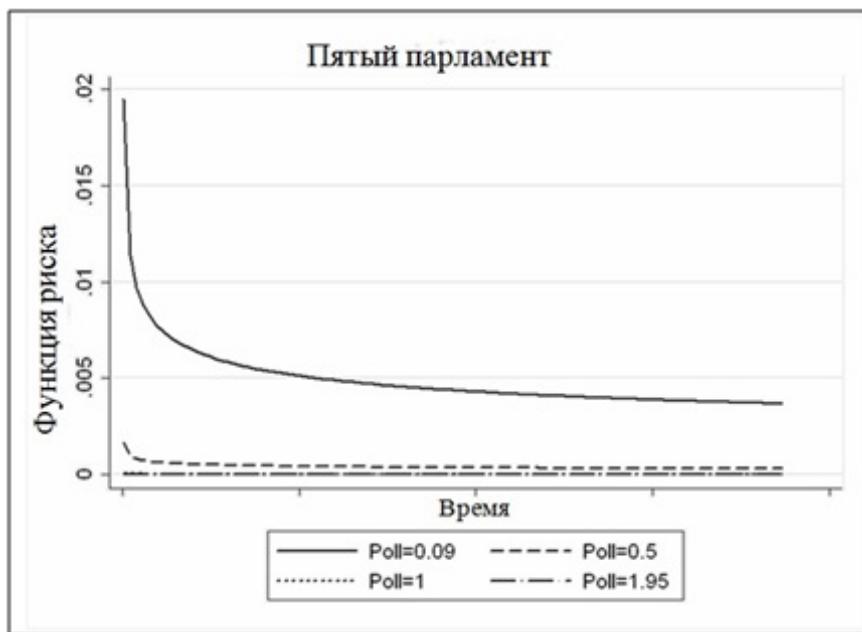


Рисунок 8
Функция рисков переходов, 2005–2007

Примечание: Функция риска на разных уровнях переменной голосования выведена из модели в таблице 4.

За исключением самых первых дней, существует небольшая разница между теми партиями, которые сохранили или увеличили поддержку, и теми, которые пережили снижение поддержки вдвое. Риск для партий со стабильной поддержкой оказался относительно равным, но для партий, которые теряют общественную поддержку, время от времени риск заметно увеличивался. В отличие от двух предыдущих сроков, существует большая разница между оценками риска по всему диапазону значений переменной голосования. Функция риска парламента 2005–2007 гг. напоминает период 1997–2001 гг. Доля риска быстро снижается и существенно зависит от переменной голосования при очень низких значениях, которые фактически означают уничтожение партии.

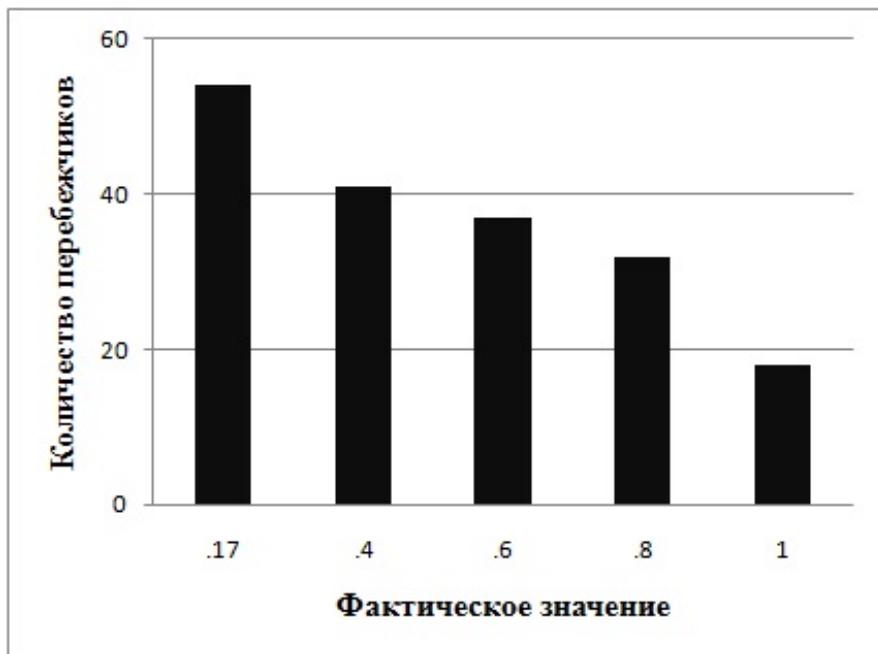


Рисунок 9

Моделирование последствий минимальных значений голосования на переходы, 1993–1997

Примечание: Цифры, полученные отдельными процедурами моделирования, основаны на модели из таблице 4. Каждый столбик представляет предсказанное количество депутатов, которые покинут партию к концу срока на основании различных минимальных значений переменной «голосование».

Модели для периодов 1997–2001 и 2005–2007 гг. имеют впечатляющие последствия (рисунки 9–12). Как предполагается в моделях на рисунках 10 и 12, если бы не было действительно резких обвалов популярности некоторых партий, тогда ни в одном парламенте практически не было бы переходов из партий. В парламентах 1993–1997 и 2001–2005 гг., как показано на рисунках 9 и 11, эффект от значений голосования более постепенный и расширяется вдоль всего спектра. Тем не менее основные последствия существенно различаются, поскольку виден контраст между огромным

числом переходов в 2001–2005 гг. и их небольшим числом в 1993–1997 гг. Модель для 2001–2005 гг. предсказывает сокращение 67 депутатов к концу срока, так как значение переменной голосования изменяется с фактического минимума 0,11 до относительно стабильного значения 0,8. В 1993–1997 гг. для перехода от фактического минимума 0,17 до значения 0,8 предсказано меньшее число изменений партийной принадлежности – 23.

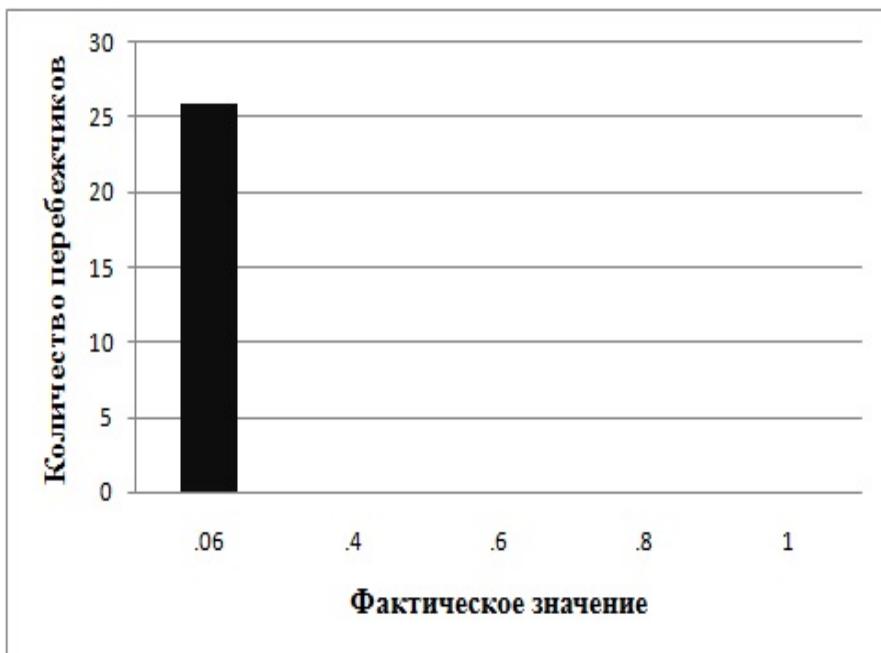


Рисунок 10
Моделирование последствий минимальных значений голосования на переходы, 1997–2001

Примечание: Цифры, полученные отдельными процедурами моделирования, основаны на модели из таблице 4. Каждый столбик представляет предсказанное количество депутатов, которые покинут партию к концу срока на основании различных минимальных значений переменной «голосование».

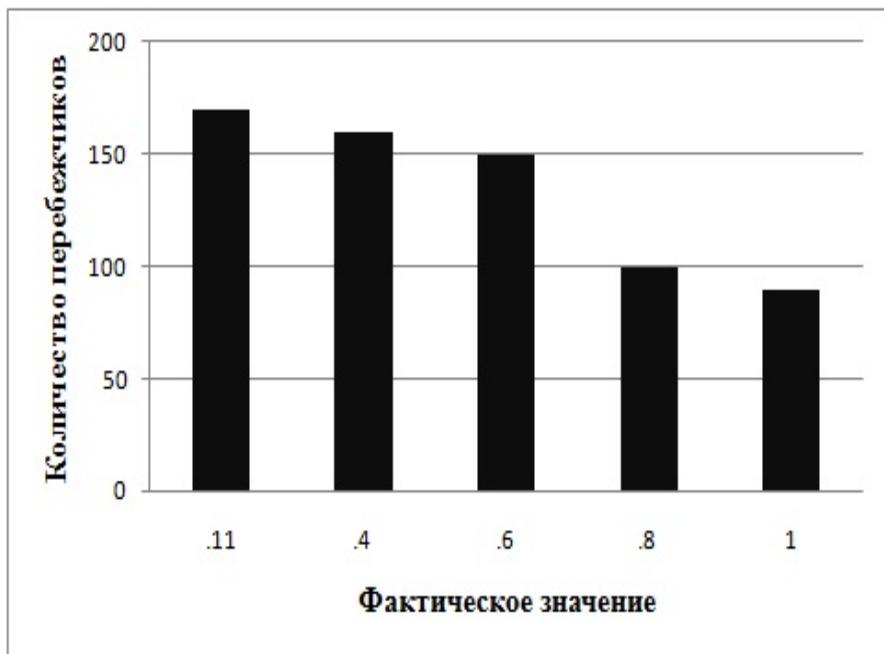


Рисунок 11

Моделирование последствий минимальных значений голосования на переходы, 2001–2005

Примечание: Цифры, полученные отдельными процедурами моделирования, основаны на модели из таблицы 4. Каждый столбик представляет предсказанное количество депутатов, которые покинут партию к концу срока на основании различных минимальных значений переменной «голосование».

Параметр институционализации

В данном разделе мы рассмотрим ход и перспективы развития институционализации законодательной партии в Польше и ее последствия для сравнительной политологии в целом. Поступая таким образом, мы начнем с акцента Грейфа и Лэйтина на параметрах или условиях, при которых институт может стать самостоятельным органом. Затем мы перейдем к анализу квазипараметров. Квазипараметр устанавливает пределы институциональной самооценки орга-

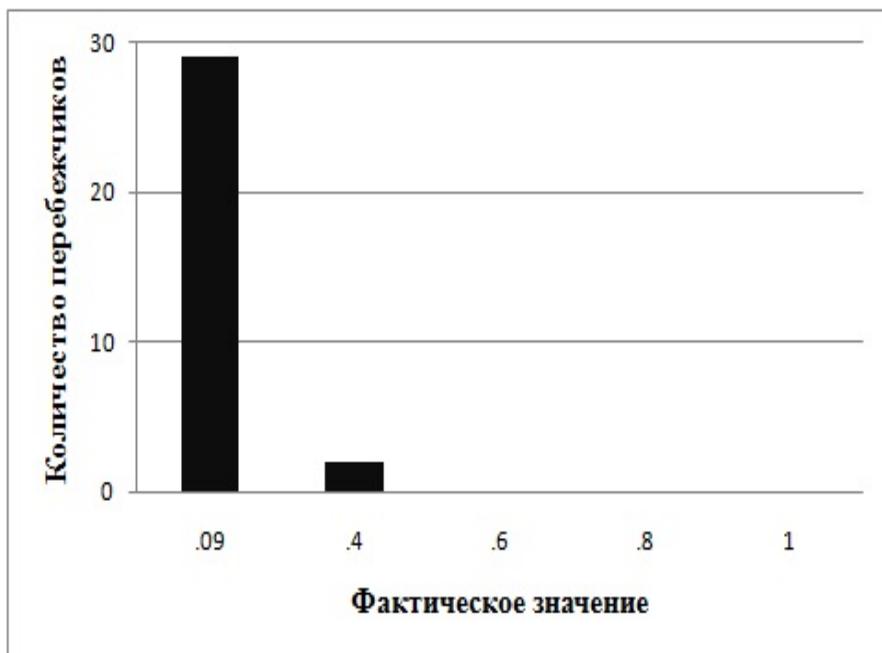


Рисунок 12

Моделирование последствий минимальных значений голосования на переходы, 2005–2007

Примечание: Цифры, полученные отдельными процедурами моделирования, основаны на модели из таблицы 4. Каждый столбик представляет предсказанное количество депутатов, которые покинут партию к концу срока на основании различных минимальных значений переменной «голосование».

нов. Тем не менее на его значение может оказать влияние процесс институционализации самостоятельных органов. Если институт способен расширить значения параметров для реализации своих основных транзакций, тогда он может характеризоваться как самостоятельно усиленный институт.

Наши результаты показывают, что законодательные партии в Польше более склонны к институционализации, если им удастся убедить своих членов в том, что это поможет привлечь голоса. Результаты моделирования могут предоставить данные для параметра,

который определяет способность законодательной партии усилить себя как институт для своих депутатов: 10% депутатов, покидающих партию в течение срока, – разумный максимум для институализированной совокупности политических партий. И действительно, Геллер и Мершон [Heller, Mershon, 2009, p. 11–13] наблюдали больше 10%, только если партии находились в процессе институционализации или претерпевали системные изменения. С помощью наших моделей мы оценили параметр общественной поддержки для всех парламентов в 0,4 и менее (кроме периода 2001–2005 гг., для которого значение параметра составляет больше 1). В трех из четырех парламентах польские депутаты не меняли партии до тех пор, пока их партии не теряли общественную поддержку. Польские политики электорально чувствительны, но не гиперчувствительны.

Во всех четырех парламентах начиная с 1993 г. среднее значение минимума для переменной голосования было 0,1. Тем не менее модель для парламента 2001–2005 гг. предполагает совершенно другую ситуацию, в которой депутаты паникуют и покидают партию, как только она начинает терять общественную поддержку. Если бы значение параметра общественной поддержки во всех парламентах было больше 1, тогда процесс институционализации был бы крайне маловероятен, так как все партии не могут сохранять популярность.

Если партия в состоянии уменьшить значение параметра, при котором она может придать самой себе силу, это может быть описано как самоусиление. Партии, которые могут предотвратить партийные переходы в течение одного срока, в дальнейшем должны быть менее уязвимы перед параметром общественной поддержки. С этим механизмом самоусиления партии, которым удается переизбраться на выборах в парламент, должны с большей вероятностью сохранить общественную поддержку, чем новые партии. Наиболее очевидный показатель этого механизма – это волатильность. На протяжении пяти выборов не было ни четкого снижения, ни даже тренда на снижение по индексу волатильности у Педерсена [Pedersen, 1979] или блоку волатильности у Бартолини и Мэйра [Bartolini, Mair, 2007] на протяжении пяти выборов [Gwiasda, 2009, p. 358]. Пауэлл и Такер [Powell, Tucker, 2008] разделили волатильность на два типа, которые особенно актуальны для наших целей.

Тип А – это волатильность в результате появления и исчезновения партии, в то время как тип Б – это волатильность среди стабильных партий. Таким образом, мы обнаружили надежный механизм давления в стремлении партий получить голоса, но эти партии не сумели адаптировать данный механизм по отношению к себе. Установка партии на получение голосов кажется потенциальным путем к институционализации, который до сих пор не увенчался успехом.

Институционализация польских партий стала предметом дебатов среди специалистов в стране. Несколько лет назад некоторые авторы [Szczzerbiak, 2007; Markowski, 2006] выразили скептицизм по поводу перспектив институционализации в ближайшем будущем, но недавно Гвизда [Gwiazda, 2009] стала утверждать, что польская партийная система переживает институционализацию. Теория и данные, представленные в данной статье, приводят к выводу, что аналитики должны быть осторожны с выводами, чтобы не делать чрезмерный упор на такие переменные, как переизбрание правительства или акцент только на политический курс. Вместо этого мы советуем сосредоточиться на мерах, которые важны для партий, нацеленных на получение голосов. Общественная поддержка основных партий на выборах в парламент 2007–2011 гг. до сих пор остается стабильной [Centrum Badań Opinii Społecznej, 2010], и количество переходов из партий минимально. Угроза может исходить от изменений параметра порога переходов или от резкого снижения общественной поддержки. Учитывая, что только в одном парламенте был перейден порог со значением 0,4, первый сценарий кажется маловероятным. Одной из очевидных причин внезапной и массовой потери популярности стал коррупционный скандал [Manys, 2009], но самая многочисленная партия в парламенте вышла из этого кризиса практически без потерь [Manys, 2010].

Заключение

Партийная институционализация является центральной проблемой в политологии. В существующей литературе наблюдается тенденция понимать институционализацию как синдром, а не причинно-следственную модель. Такие синдромы предоставляют нам возможность задокументировать изменения, но не позволяют их

объяснить. Более того, исследования по институционализации преуменьшают или даже игнорируют различия между типами партий. Мы используем подход к институционализации партии, который является одновременно конкретным и гибким. Он конкретен, поскольку мы определяем специфические и поддающиеся измерению основные транзакции политической партии, ее самопринуждение и самоусиление. Он гибок, потому что мы выделяем три пути к институционализации: нацеленность на голоса, должности или политический курс.

Мы полагаем, что наше исследование Польши демонстрирует потенциал данного подхода. Число переходов из одной партии в другую, изменения стимулов делают Польшу удачным казусом для исследования. Мы показываем, что партийные переходы, которые подрывают институционализацию политических партий, обусловлены стремлением к получению голосов. Перспективы смены партийной принадлежности при получении должности и проведении определенного политического курса в Польше периодически кажутся правдоподобными. Польские депутаты меняют партию для того, чтобы увеличить свою политическую выживаемость, а не из краткосрочных стремлений получить повышение в должности или хаотичное и поляризованное политическое пространство. Наш эмпирический метод позволяет нам обеспечить количественную оценку важного параметра партийной институционализации – общественной поддержки. Политические партии в Польше могут выжить, если их общественная поддержка превышает 40% от полученного результата на предыдущих парламентских выборах. Именно это оказывается наиболее вероятным путем институционализации польских политических партий.

Полученный результат имеет важные последствия для политической науки. Все переменные, упомянутые в данном исследовании, за исключением идеологизированных партий «правого» крыла, могут быть использованы в других контекстах для проверки интересной гипотезы: имеет ли партия, члены которой меняют партию в других контекстах, ту же самую общественную поддержку с пороговым значением в 40% от предыдущего электорального результата? Если да, то, с одной стороны, партийной институционализации угрожает нестабильность общественного мнения. С другой стороны, партии, которые хотят институциона-

лизироваться, должны убедить своих депутатов, что они смогут сохранить поддержку избирателей, а не заманивать получением трофеев в виде должностей и политических общественных благ.

Приложение

Таблица 6

Репликация поэтапного подхода

	1991–1993 гг.		1993–1997 гг.		1997–2001 гг.		2001–2005 гг.		2005–2007 гг.		Италия		Россия	
	недели	переходы	недели	переходы	недели	переходы								
Членство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	0,36	6	5,56
Должность	8	0,68	3	0,07	1	0,00	8	0,49	3	0,00	9	0,35	12	0,30
Политический курс	18	0,27	47	0,22	62	0,11	54	0,21	38	0,23	109	0,20	26	1,09
Потенциальный	53	0,53	118	0,23	101	0,18	115	0,46	60	0,16	95	0,10	53	0,14
Электоральный	–	–	48	0,05	46	0,13	46	0,94	22	0,45	94	0,21	8	0,42

Литература

- Bartolini S., Mair P.* Identity competition and electoral availability: The stabilization of European electorates 1885–1985. – Colchester: European consortium for political research, 2007. – 327 p.
- Benoit K., Laver M.* Party policy in modern democracies. – L.: Routledge, 2006. – 243 p.
- Bértoa F.* Party system institutionalisation and the quality of democracy in Eastern Europe: DISC working papers 2009/7. – Budapest: Central European univ. centre for the study of imperfections in democracy, 2009. – 32 p.
- Building democratic institutions. Party systems in Latin America / Mainwaring S., Scully T. (eds). – Stanford, CA: Stanford univ. press, 1995. – 578 p.
- Centrum Badania Opinii Społecznej // Preferencje Partyjne w Maju. Komunikat z Badan' BS/62/2010. – Warsaw: Centrum Badania Opinii Społecznej, 2010. – 452 p.
- Depauw S., Martin S.* Legislative party discipline and cohesion in comparative perspective // Intra-party politics and coalition government / D. Giannetti, K. Benoit (eds). – L.: Routledge, 2009. – P. 103–120.

- Desposato S.* Parties for rent? Ambition ideology and party switching in Brazil's chamber of deputies // *American journal of political science.* – Hoboken, NJ, 2006. – Vol. 50, N 1. – P. 62–80.
- Пólmilionowe weksle-straszaki Leppera niewaz'ne // *Gazeta Wyborcza.* – Warszawa, 2005. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/1,76842,2893467.html> (Дата посещения: 07.05.2014.)
- Greif A., Laitin D.* A theory of endogenous institutional change // *American political science review.* – Cambridge, 2004. – Vol. 98, N 4. – P. 633–652.
- Gwiazda A.* Poland's quasi-institutionalized party system: The importance of elites and institutions // *Perspectives on European politics and society.* – L., 2009. – Vol. 10, N 3. – P. 350–375.
- Heller W., Mershon C.* Party switching in the Italian chamber of deputies // *Journal of politics.* – Cambridge, 2005. – Vol. 67, N 2. – P. 536–559.
- Heller W., Mershon C.* Introduction: Legislative party switching, parties, and party system // *Political parties and legislative party switching* / Heller W., Mershon C. (eds). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009 a. – P. 3–28.
- Heller W., Mershon C.* Integrating theoretical and empirical models of party switching // *Political parties and legislative party switching* / Heller W., Mershon C. (eds). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009 b. – P. 29–54.
- Heller W., Mershon C.* Conclusions // *Political parties and legislative party switching* / Heller W., Mershon C. (eds). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009 c. – P. 287–294.
- Huntington S.* *Political order in changing societies.* – New Haven: Yale univ. press, 1968. – 263 p.
- Janda K.* Laws against Party switching defecting or floor-crossing in national parliaments: Paper delivered at the World Congress of the International Political Science Association. – Santiago, 2009. – 12–16 July.–30 p. – Mode of access: <http://www.partylaw.leidenuniv.nl/uploads/wp0209.pdf> (Дата посещения: 07.05.2014.)
- Kato J., Yamamoto K.* Competition for power: Party switching and party system change in Japan / *Political parties and legislative partyswitching* // *Political parties and legislative party switching* / Heller W., Mershon C. (eds). – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – P. 233–264.
- Post-communist party systems: Competition representation and inter-party competition / Kitschelt H. et al. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – 457 p.
- Krupavičius A.* Party systems in Central East Europe // *Lithuanian political science yearbook.* – Vilnius: Institute of international relations and political science Vilniaus univ., 2004. – P. 31–58.
- Mainwaring S.* Rethinking party systems in the third wave of democratization: The case of Brazil. – Stanford, CA: Stanford univ. press, 1999. – 412 p.
- Manys K.* Opozycja: komisji nie starczy czasu // *Rzeczpospolita.* – Warszawa, 2009. – 5 November. – Архив И. МакМенамин.
- Manys K.* Szybki finał czy dalsze śledztwo // *Rzeczpospolita.* – Warszawa, 2010. – 7 July. – Архив И. МакМенамин.

- Markowski R.* Party system institutionalisation in new democracies: Poland – a trend-setter with no followers // Party development and democratic change in post-communist Europe / P.G. Lewis (ed.). – L.: Frank Cass, 2001. – P. 55–77.
- Markowski R.* The Polish elections of 2005: Pure chaos or a restructuring of the party system? // West European politics. – L., 2006. – Vol. 29, N 4. – P. 814–832.
- McMenamin I.* Semi-presidentialism and democratisation in Poland // Semi-presidentialism in Central and Eastern Europe / R. Elgie & S. Moestrup (eds). – Manchester: Manchester univ. press, 2008. – P. 120–137.
- Mershon C.* Legislative party switching and executive coalitions // Japanese Journal of political science. – Cambridge, 2009. – Vol. 9, N 3. – P. 391–414.
- Mershon C., Shvetsova O.* Parliamentary cycles and party switching in legislatures // Comparative political studies. – L., 2008. – Vol. 41, N 1. – P. 99–127.
- Pedersen M.* The dynamics of European party systems: Changing patterns of electoral volatility // European journal of political research. – Oxford, 1979. – Vol. 7. – P. 1–26.
- Powell E., Tucker J.* New approaches to electoral volatility: Evidence from postcommunist countries: Paper presented to the Annual Meeting of the American Political Science Association. – Chicago, IL, 2008. – 3–6 April. – 30 p. – Mode of access: https://files.nyu.edu/jat7/public/Powell_Tucker_Volatility.pdf (Дата посещения: 07.05.2014.)
- Randall V.* Party institutionalization and its implications for democracy // Paper presented to the World Congress of the International political science association. – Fukuoka, 2006. – 9–13 July. – Архив И. МакМенамин.
- Randall V., Svåsand L.* Party institutionalization in new democracies // Party politics. – L., 2002. – Vol. 8, N 1. – P. 5–29.
- Reed S., Scheiner E.* Electoral incentives and policy preferences: Mixed motives behind party defections in Japan // British Journal of political science. – Cambridge, 2003. – Vol. 33, N 3. – P. 469–490.
- Reilly B.* Introduction // Political parties in conflict-prone societies: Regulation engineering and democratic development / B. Reilly, P. Nordlund (eds). – Tokyo; N.Y.: United Nations univ. press, 2008. – P. 3–24.
- Sanford G.* Democratic government in Poland. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. – 280 p.
- Shabad G., Slomczynski K.* Inter-party mobility among parliamentary candidates in post-communist East Central Europe // Party politics. – Thousand Oaks, CA, 2004. – Vol. 10, N 2. – P. 151–176.
- Shugart M.S.* Comparative electoral systems research: The maturation of a field and new challenges ahead // The politics of electoral systems / M. Gallagher, P. Mitchell (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 25–56.
- Sikk A.* How unstable? Volatility and the genuinely new parties in Eastern Europe // European journal of political research. – Oxford, 2005. – Vol. 44. – P. 391–412.
- Strøm K.* A behavioral theory of competitive political parties // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 1990. – Vol. 34, N 2. – P. 565–598.
- Szawiel T.* Różnicowanie w Lewicowo-Prawicowe i Jego Korelaty // System Partyjny Postawy Polityczne Zachowanie Wyborcze / R. Markowski (ed.) – Warsaw: Institute of political studies, 1999. – P. 73–125.

Szczerbiak A. Poles together? The emergence and development of political parties in post-communist Poland. – Budapest: Central European univ. press, 2001. – 275 p.

Szczerbiak A. Dealing with the communist past or the politics of the present? Lustration in post-communist Poland // *Europe-Asia studies.* – L., 2002. – Vol. 54, N 4. – P. 553–572.

Szczerbiak A. «Social Poland» defeats «liberal Poland»? The september–october 2005 Polish parliamentary and presidential elections // *Journal of communist studies and transition politics.* – L., 2007. – Vol. 23, N 2. – P. 203–222.

Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 lipca 1992 r // *Sejm Rzeczypospolitej Polskiej.* – Warszawa, 1992. – Mode of access: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/regulamin/kon7.htm> (Дата посещения: 07.05.2014.)

Zielinski J., Slomczynski K., Shabad G. Electoral control in new democracies: The perverse incentives of fluid party systems // *World politics.* – Cambridge, 2005. – Vol. 57, N 1. – P. 365–395.

Перевод с англ. М.Е. Ананьевой, А.В. Мажуги